

А.В. РЫКОВ

*Доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет*

БОДЛЕР, БЛОК И ДИСКУРС НАСИЛИЯ В ТЕОРИИ АВАНГАРДА

В статье рассматриваются дискурс войны и насилия в культуре и политике модернизма/авангарда. Особое внимание уделено протополитическим стратегиям Шарля Бодлера и Александра Блока. Автор рассматривает сексистские, расистские и классовые коннотации работ Бодлера и Блока в связи с общими вопросами теории авангарда. Анализируя критику Блока гуманизма и один из ее источников – трактат Евгения Поletaева и Николая Пунина «Против цивилизации», – автор исследует протофашистские коннотации русского символизма. **Ключевые слова:** Бодлер, Александр Блок, Модернизм, авангард, война, насилие, расизм, протофашизм.

А. V. RYKOV

*Doctor of Philosophy, Professor
Saint Petersburg State University*

BAUDELAIRE, BLOK, AND THE DISCOURSE OF VIOLENCE IN THE AVANT-GARDE THEORY

The paper examines the discourse of war and violence in the Modernist/avant-garde culture and politics. Special attention is paid to Charles Baudelaire's and Alexander Blok's protopolitical strategies. The author considers sexist, racist and classist connotations of Baudelaire's and Blok's works in relation to the general issues of avant-garde theory. Analyzing Blok's critique of humanism and one of its sources – Evgeny Poletaev's and Nikolay Punin's tract «Against Civilization» – the author explores the protofascist connotations of the Russian Symbolism.

Keywords: Baudelaire, Alexander Blok, Modernism, avant-garde, war, violence, racism, protofascism.

Мы все еще мало знаем о путях развития модернистской культуры, дискурсах, ее сформировавших. Культура европейского символизма особенно восприимчива к радикальным идеям: ибсеновские, ницшеанские и вагнеровские концепции интегрируются в немислимые по своему разнообразию социальные доктрины, став одним из двигателей мировой политики. Уже далекие истоки авангарда – творчество Караваджо, Давида и

Гойи – неразрывно связано с «террористическим» стратегиями, новым шоковым опытом восприятия насилия и смерти. В изящных искусствах «террор» по отношению к зрителю-обывателю, эксплуатация тем жестокости и фанатизма, в хронологическом отношении намного опережают теоретическое обоснование «крушения гуманизма» в культуре авангарда.

Особенно интересен случай Бодлера, признанного создателя теоретической и «художественной» матрицы модернизма, автора одной из наиболее провокационных ее версий: соединение религиозного и политического измерения, включавшего игру с дискурсами классицизма, сексизма, расизма и милитаризма, демонстрирует потенциал эстетизма Бодлера для дальнейшего развертывания модернистского дискурса насилия. Ирония, всегда присутствующая у французского поэта, не отменяет того факта, что мифологема «искусство для искусства» конструируется им как особая политическая экстремистская позиция, игровое «зеркальное» отражение иконоборчества Прудона: «Случалось ли тем из моих читателей, кто из праздного любопытства ввязывался в уличную потасовку, порадоваться вместе со мной при виде того, как охранитель порядка <...> дубасит республиканца? И быть может, вы, как и я, мысленно твердили ему: «Так его, всыпь ему посылней, голубчик полицейский <...>. Тот, кого ты награждаешь тумаками – враг ароматов и роз и фанатик полезной утвари; он враг Ватто, враг Рафаэля, злейший гонитель красоты, пластических искусств и изящной словесности, заклятый иконоборец, палач Венеры и Аполлона! <...> Со всей истовостью обрушивай свою дубину на заговор анархиста!». Вот так же нещадно должны философы и критики бить фальсификаторов искусства, этих взбунтовавшихся подмастерьев, которым ненавистны сила и могущество гения» («Салон 1846 года» [7; С. 597]).

Критика «американизма», утилитаризма, демократии у Бодлера глубоко симптоматична. Французский поэт создает модель романтического антикапитализма, тот вариант радикальной философии (по ту сторону правого и левого), который в дальнейшем приобретет вначале теоретические, а затем и практические черты тоталитаризма. Для исследователя дискурсивной матрицы авангарда интересен и заметный крен политической мифопоэтики Бодлера вправо, ее консервативные и элитистские коннотации. Денди в его представлении – это одновременно и воин, и монах, и бунтарь, закаляющий свою волю и дисциплинирующий душу; он – последний герой-аристократ на фоне всеобщего упадка и царства «демократической» посредственности. «Никто из людей недостойн называться великим, кроме поэта, священника и солдата. Тот, кто воспевает, тот, кто благословляет, тот, кто приносит жертву и жертвует собой. Все остальные созданы для кнута» («Мое обнаженное сердце» [7; С. 443]). В определенной мере «героический модернизм» Бодлера обращен в про-

шное: именно там он ищет образцы «силы духа» и «большого стиля», естественного господства гения над толпой посредственностей. В древности, богатой торжествами и празднествами, он видит образец живописной зрелищности [7; С. 601]. В целом, если посмотреть на творчество Бодлера под определенным углом зрения, можно увидеть в нем программу «оздоровления» (регенерации) современности, ориентирующуюся на «героическую» древность, «сильную, воинственную жизнь» былых эпох, обладавшую подлинной красотой и чувством стиля.

Пожалуй, ближе всего Бодлер подходит к сути современных дискуссий о тоталитаризме и природе насилия в своих «батаевских» высказываниях о жертвенности и жертвоприношениях: «Смертная казнь – порождение мистической идеи, которую в наше время уже никто не понимает. Цель смертной казни совсем не в спасении общества, тем более в материальном смысле. Ее цель – спасти (в смысле духовном) и общество, и преступника. Чтобы жертвоприношение было совершенным, необходимо добровольное и радостное согласие самой жертвы» («Мое обнаженное сердце» [7; С. 435]). Бодлер одним из первых почувствовал сакральную составляющую революции, задолго до Беньямина открыв религиозное измерение политики: «Своими жертвоприношениями Революция утверждает суеверие» («Мое обнаженное сердце» [7; С. 432]). Идею сближения дискурсов войны, насилия, религии и политики Бодлер мог заимствовать у своего кумира Жозефа де Местра, рассуждавшего о божественности войны и задолго до Бодлера обратившегося к теме жертвоприношения: «... земля, непрерывно орошаемая кровью, есть лишь громадный алтарь, где все живущее должно приноситься в жертву, – без передышки, без отдыха, без меры, вплоть до скончания веков, вплоть до полного исчезновения зла, вплоть до смерти самой смерти» [10; С. 267–268].

Провокативное начало в творчестве Бодлера, подчиняющееся скорее своеобразной экстремистской «художественной» логике, чем устойчивым политическим воззрениям, демонстрирует весь арсенал дискриминационных стратегий современности – от расизма («Организовать прекрасный заговор с целью истребления еврейской расы») и сексизма («Женщина не различает души и тела. Она примитивна, как животные») до своеобразного, иногда окрашенного в социал-дарвинистские тона классизма («Избивайте нищих!») и поэтизации презрения к простым людям. Внутренняя логика авангардистского проекта диктовала Бодлеру необходимость эксплицитировать его политические импликации, актуализировать всевозможные формы шокового воздействия на обывателя. Французский поэт создает тот сплав политики и поэтики, который в дальнейшем станет матрицей авангарда, предопределив его двойственное

отношение к тоталитарным движениям современности. Отождествив красоту с режимом отчуждения, Бодлер придает особый поэтический смысл террору и насилию, открывая новую эру «эстетизации политики».

Крайности сходятся; поэты всегда романтизировали неизвестное, чуждое им, их жизненному миру, их социальной среде. Как и многие представители русской интеллигенции, Александр Блок поэтизировал деревню, «народ», провинцию, революцию. Важное место в его поэтическом мире занимает и тема войны, рассматриваемая во многих ракурсах. В этой связи можно обратиться к хрестоматийному примеру, стихотворению «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...», написанному накануне Первой мировой войны под впечатлением зашедшей в порт Аберврак (в Бретани, где в то время жил поэт) французской военной эскадры. Оно изобилует сексуальными метафорами и образами: «колонна», которая «вошла» в «бухту», карманный нож, загорелые матросы. Сама тема новизны, к которой обращается Блок, обрастает сексуальными коннотациями. Заход эскадры в порт интерпретируется как эротическое приключение, о котором рассказано с феминной точки зрения: лирический герой отождествляет себя с «сонной бухтой», радующейся новизне, но абсолютно пассивной.

Стихотворение пронизано предчувствием войны, оно вызвано к жизни мрачным предзнаменованием нового, трагического витка истории – появлением военных кораблей в тихом порту приморского городка и воспринималось поэтом именно в этом свете. И все же: «сердце радоваться радо и самой малой новизне». Война – и есть «новизна» для сонного городка, и перемены для поэта дороже покоя. Это бодлеровская тема: «Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!» (Пер. Марины Цветаевой) и вместе с тем ключевой мотив декадентской/модернистской литературы.

В поэзии Блока много дидактизма и общих мест; лирический герой словно самоустраняется, его устами говорит «мировая мудрость». Не следует забывать о модернистском контексте этих «афоризмов житейской мудрости». Стихотворение Блока, на первый взгляд, вполне «безобидное» и даже банальное, «рассказывает» о трагизме жизни, о том, что заложенная в человеке воля к переменам беспощадна и разрушительна. Возможно, и о том, что в человеке скрывается, как это предполагал Фрейд, стремление к самоуничтожению, радикальному «остранению» действительности. «И мир опять предстанет странным...» Очень скоро (с началом Первой мировой войны) мир действительно «предстанет странным», новым, неожиданным, и Блок, по свидетельству Зинаиды Гиппиус, согласно неумолимой, обозначенной им самим трагической логике бы-

тия, будет как ребенок радоваться этим несущим смерть переменам: «прежде всего – весело!» [8; С. 221].

Тенденция к нормативизму в сочетании с националистической мифологией и культивацией «детского» взгляда на мир сделала Блока классиком советской литературы. Пространство Блока – праздный, скучающий, оранжерейный мир, бедный событиями. Оно обременено романтическими штампами, но интересно своими «выходами» за рамки романтической эстетики, сопряжениями романтизма и модернизма. Не случайно вся «Эстетическая теория» Адорно построена на символистских метафорах. Поэзия и публицистика Блока – еще одна демонстрация близости символистской эстетики и наиболее радикальных форм авангарда.

Итальянские футуристы воспевали войну как самую радикальную форму остранения действительности. В своем «Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Вальтер Беньямин приводит ставшее известным высказывание Маринетти об эстетической ценности войны [2; С. 230]. Обновление как разрушение, смерть, разрыв с прежним опытом – сердцевина модернистской эстетики. Блок привносит в эту проблематику много нового. Его поэзия как будто соткана из цитат: из банальностей и штампов рождается ее «широкое дыхание», особый физиологизм и детские фобии. «Романтизм» оказывается у Блока пожелтевшей туристической открыткой, воспоминанием о «сонной бухте», на которую наслаивается другая («футуристическая») открытка – «военные корабли в порту». «Туризм» Блока можно рассматривать сквозь призму особого, окрашенного в трагические тона «футуризма».

Кажется, поэт-романтик снисходителен к «простым человеческим радостям» только потому, что весь этот игрушечный мир в любой момент может растоптать война. «Человеческое, слишком человеческое» выглядит беспомощно и трогательно на фоне колоссальных масштабов исторических катаклизмов. «Гуманизм» у Блока, автора «Крушения гуманизма» и знаменитых строк о «гуманистическом тумане» в поэме «Возмездие», относится к разряду отрицательных понятий. Примеряя на себя одновременно маски классика («сотри случайные черты») и романтика – в равной степени вирулентные в культуре начала XX века – Блок всегда тяготел к ретроспективным утопиям. Поэт считал, что прогресс привел к измельчанию человека, искалечил его. Из авторского «Предисловия» к поэме «Возмездие» мы узнаем о «музыкальном» методе соединения поэзии, политики и философии в его творчестве [3; С. 49]. Иррациональные «обобщения» Блока оказались созвучны тоталитарным идеологиям, обеспечив поэт-у высококое положение в советской культурной иерархии.

Одна из причин беспрецедентной популярности его творчества заключалась в уникальной способности поэта проникаться «коллективными эмоциями». Творчество Блока, этого русского унанимиста, с этой точки зрения особенно интересно, поскольку, как показывают современные исследования, тоталитарные идеологии в своем воздействии на массы опирались скорее на фантазмы, интуиции, поэтические образы, чем на законченную систему идей. Мистическое чувство обновления было важнейшим среди них, им была охвачена вся культура Серебряного века, ждавшая перемен и предвосхищавшая в своем развитии все основные формы тоталитарных мифологий XX столетия. Именно в «сонной бухте» Серебряного века началась борьба с тем «гуманистическим туманом», который был окончательно развеян в «коротком XX веке».

Блок создал особую героическую эстетику, ориентированную на идеалы немецкой «консервативной революции» [16] и воспитание «сверхчеловека» («Созрела новая порода, – / Угль превращается в алмаз» [3; С. 23]). Проект русского символизма он оценивает как «арийский» [4; С. 147–149], оппозиционный «еврейским», «гуманистическим» элементам в мировой культуре [6; С. 21–22; 14; С. 303; 15; С. 135]. В этом отношении колоссальное воздействие на Блока имели теоретические работы Рихарда Вагнера и пропагандиста его учения, известного расистского теоретика Хьюстона Стюарта Чемберлена. Написанию последних статей о «крушении гуманизма» предшествовало внимательное изучение Блоком протофашистской утопии Евгения Полетаева и Николая Пунина «Против цивилизации» [9; 13]. «Милитаристский» компонент чрезвычайно важен для мифопоэтики Блока: «Люблю я дыханье прекрасной весны / И яркость цветов и дерев / <...> Люблю я гонцов неизбежной войны / О, как веселится мой взор!» («Роза и крест»); «Но тот, кто двигал, управляя / Марионетками всех стран, – / Тот знал, что делал, насылая / Гуманистический туман: / Там, в сером и гнилом тумане, / Увяла плоть, и дух погас, / И ангел сам священной брани, / Казалось, отлетел от нас...» («Возмездие»). Война становится для поэта идеальной моделью духовного опыта, при этом Блока преследовали образы как «внешнего», так и «внутреннего» врага. Иногда «внутренний» враг идентифицировался с враждебными «внешними» силами. Так, символизм цикла «На поле Куликовом» связан с концепцией противостояния Руси и «поганой орды», народа и интеллигенции, деревни и города: «... народ и интеллигенция; полтораста миллионов с одной стороны и несколько сот тысяч – с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном. Среди сотен тысяч происходит торопливое брожение, непрестанная смена направлений, настроений, боевых знамен. Над городами стоит гул, в котором не разобраться и опытному слуху; такой гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание. <...> Среди десят-

ка миллионов царствуют, как будто, сон и тишина. Но и над станом Дмитрия Донского стояла тишина...» («Народ и интеллигенция») [1; С. 391–392].

В социал-дарвинистской концепции Блока целью эволюции является «не этический, не политический, не гуманный человек, а *человек-артист*» [5; С. 327]. Призывая учиться у «суровой природы», утописты-футуристы Евгений Полетаев и Николай Пунин радовались отсутствию в России сильных исторических традиций: «У нас мало традиций, да и те слабы, потому что мы, великороссы, поистине отличаемся каким-то инстинктивным неуважением к старине. Будем помнить и этот плюс» [12; С. 135]. Им почти вторит Блок в «Крушении гуманизма», рассуждая о том, что «гуманистическая цивилизация» должна погибнуть под натиском «стихий»: «У нас нет исторических воспоминаний, но велика память стихийная; нашим пространствам еще суждено сыграть великую роль. Мы слушали пока не Петрарку и не Гуттена, а ветер, носившийся по нашей равнине; музыкальные звуки нашей жестокой природы всегда звенели в ушах у Гоголя, у Толстого, у Достоевского» [5; С. 327].

Блок отождествляет насилие с шопенгауэровским духом музыки [11; С. 132]; он рассматривает «природу», «народ» и поэтическое творчество как различные проявления единой по своей сути «стихий», сакральной первоосновы бытия. Подобные «теории террора» не были редкостью и в западной авангардистской традиции. Исходя из априорных, «гуманистических» представлений о природе искусства и опираясь на эссенциалистские концепции о сущности «подлинного творчества», мы рискуем проигнорировать многие существенные особенности как художественных, так и политических процессов. При этом необходимо помнить и о принципиальной поливалентности искусства, связанной с настройкой тех или иных «систем восприятия» и методологических стратегий. Понимание этого «рокового непостоянства», определяемого множественностью форм рецепции современного искусства, позволит увидеть теорию авангарда и сопряженную с ней проблематику в новом свете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Блок. Андрей Белый. Диалог поэтов о России и революции/Сост., вступ. ст. коммент. М.Ф. Пьяных. М.: Высшая школа, 1990. 687 с.
2. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения / Пер. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой и др. М.: РГГУ, 2012. 288 с.
3. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т.5. Стихотворения и поэмы (1917–1921). М.: Наука, 1999. 564 с.
4. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. Проза. 1918–1921. М.-Л.: Художественная литература, 1962. 556 с.

5. Блок А.А. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 846 с.
6. Блюмбаум А.Б. К источникам «Возмездия»: Александр Блок и Павел Милоков // Работа и служба: Сборник памяти Рашита Янгирова / Сост. Я. Левченко. СПб.: Свое Издательство, 2011.
7. Бодлер Ш. Цветы зла. Обломки. Парижский сплин. Искусственный рай. Эссе, дневники. Статьи об искусстве. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. 960 с.
8. Гиппиус З.Н. Современная запись. 1914–1919 гг. Дневник // Мережковский Д. Большая Россия. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991.
9. Максимов Д.Е. Поэзия и проза Александра Блока. Л.: Советский писатель, 1981. 552 с.
10. Местр, де Ж. Санкт-Петербургские вечера / Пер. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 2016. 518 с.
11. Нива Ж. Александр Блок // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды, Е. Эткинда. М.: Прогресс – Литера, 1995. С. 127–147.
12. Полетаев Е., Пунин Н. Против цивилизации. Петроград: Государственное издательство, 1918. 138 с.
13. Рыков А.В. Политика модернизма. Николай Пунин и Александр Блок // Перекресток искусств Россия–Запад (Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета № 25). СПб., 2016. 14. Светликова И.Ю. «Месь Коперника». Комментарий к поэме А.Блока «Возмездие» // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2015. Т. LX. № 2.
15. Светликова И.Ю. Об идеологии «Обратной перспективы» Павла Флоренского // Русская интеллектуальная революция 1910-1930-х годов / Под ред. С.Н. Зенкина, Е.П. Шумиловой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
16. Herf J. *Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 252 с.

TRANSLIT

1. Alexander Blok. Andrei Belyi. *Dialog poetov o Rossii i Revolutsii (Alexander Blok. Andrei Belyi. Dialogue of poets on Russia and Revolution)* / Ed. by M.F. Piyanykh. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 687 p. (in Russian)
2. Benjamin W. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskiye proizvedeniya (Works on Media Aesthetics)*. / Trans. I. Boldyrev, A. Belobratov, A. Glazova a. o. Moscow, RGGU, 2012. 288 p.
3. Blok A.A. *Polnoe sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T.5. Stikhotvoreniya i poemy (1917–1921) (Complete collection of writings and letters in 20 volumes: V.5. Poems (1917–1921))*. Moscow, Nauka Publ., 1999. 564 p. (in Russian)
4. Blok A.A. *Sobranie sochineniy: V 8 t. T. 6. Proza. 1918–1921 (Collection of writings in 8 volumes: V.6. Prose (1917–1921))*. Moscow–Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1962. 556 p.
5. Blok A.A. *Sochineniya v 2 t. T.2. (Writings in 2 volumes: V.2)*. Moscow, Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1955. 846 p. (in Russian)
6. Blumbaum A.B. On the sources of «Vozmezdnyey»: Alexander Blok and Pavel Milyukov // *Rabota i sluzhba: Sbornik pamyati Rashita Yangirova (Work and Service: In memory of Rashit Yangirov)* / Ed. by Ya. Levchenko. Saint Petersburg, Svoye izdatelstvo Publ., 2011. (in Russian)
7. Baudelaire Ch. *The Flowers of Evil. The Wrecks. Paris Spleen. Artificial Paradieses. Essays, Diaries, Papers on Art*. Moscow, Ripol classic, 1997. 960 p. (Russian translation)
8. Gippius Z.N. *Contemporary note. 1914–1919. Diary* // Merezkovsky D. *Bolnaya Rossiya (Sick Russia)*. Leningrad, Izdatelstvo leningradskogo uversitete, 1991. pp. 207–237. (in Russian)
9. Herf J. *Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
10. Maksimov D.E. *Poeziya i proza Alexandra Bloka (Poetry and Prose of Alexander Blok)*. Leningrad, Sovietskiiy pisatel, 1981. 552 p. (in Russian)
11. Maistre de J. *Sankt-Peterburgskie vechera (Les soirees de St.-Petersburg)* / Trans. A.A. Vasilev. Saint Petersburg, Aleteya Publ, 2016. 518 p. (in Russian)

-
12. Nivat J. Alexander Blok // *Istoriya russkoy literatury: XX vek: Serebryanyi vek* (History of Russian Literature. Twentieth Century. Silver Age / Ed. by E. Etkind, J. Nivat, I. Serman, V. Strada. Moscow, Progress – Litera Publ., 1995. p. 127–147. (in Russian)
 13. Poletayev E., Punin N. *Protiv tsivilizatsii* (Against civilization). Petrograd: Gosudarstvennoye izdatelstvo Publ., 1918. 138 p. (in Russian)
 14. Rykov A.V. Politics of Modernism. Nikolay Punin and Alexander Blok // *(Perekrestok iskusstv Rossiya Zapad. Trudy istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta № 25* (Crossroads of the arts. Russia and the West. Proceedings of the History Department of Saint-Petersburg University. 2016. Vol. 25) (in Russian)
 15. Svetlikova I.Yu. «Revenge of Copernicus». Commentary on A.Blok's poem «Vozmezdie» // *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*. 2015. T. LX. № 2. (in Russian)
 16. Svetlikova I.Yu. On the ideology of Pavel Florensky's «Reverse Perspective» // *Russkaya intellektualnaya revolyutsiya 1910-1930-kh godov* (The Russian Intellectual Revolution of 1910–1930s) / Ed. by S.N. Zenkin, E.P. Shumilova. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2016. (in Russian)